

ЗАКОН СИНАРХИИ

УЧЕНИЕ
О ДВОЙСТВЕННОЙ ИЕРАРХИИ
МОНАД И МНОЖЕСТВ

*Legum servi esse debemus,
at liberi esse possimus.*
Cicero

ВЛАДИМИР
ШМАКОВ

«СОФУЯ»

2 0 1 6

УДК 141.33
ББК 86.39
Ш71

Шмаков Владимир

Ш71 Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-906791-66-5

Великий русский философ-эзотерист Владимир Шмаков более известен как автор монументального труда «Священная Книга Тота: Великие Арканы Таро». В «Законе синархии» он ставит перед собой поистине дерзновенную задачу: сформулировать «основной закон мира, его сущность, смысл и оправдание, цель и механизм всего бытия, познание которого есть также и конечная цель всей эволюции человека».

УДК 141.33
ББК 86.39

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906791-66-5 © ООО Книжное издательство «София», 2016

Содержание

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ	5
§ 1. Закон синархии, его раскрытие в органическом строении космоса. Понятие об иерархии	5
§ 2. Простейшая количественная иерархия. Часть и целое. Инфра-мир и супра-мир	17
§ 3. Понятие о качественной иерархии	24
§ 4. Потенциальная иерархия идеального мира раскрывается в космосе. Принцип индивидуальности и принцип группы. Н. В. Бугаев.	26
§ 5. Монадология Канта и Лейбница, их различие и сходство, их ошибочность	32
§ 6. Первоверховная антиномия «единство — множественность» и ее раскрытие в двойственной иерархии монад и множеств. Эзотерическое определение монады. Три идеальных мира: абсолютный, актуальный и потенциальный.	35
§ 7. Космогонический метод. Потенциальный идеальный мир и хаос. Отражение полюсов антиномии «единство — множественность» друг в друге	38
§ 8. Претворение аморфного хаоса в атомную материю. Эмпирическая достоверность этого факта и его необъяснимость. Разрешение проблемы атомной материи и энтропии в связи с учением об иерархии инфра- и супра-миров. Метафизическое учение о потенциальной множественности	42

§ 9. Хаос и космос. Достоверность красоты и гармонии. Антиномичность иерархии монад и иерархии множеств. Идея неатомной первичной материи вводится в эзотерическое учение лишь как гносеологический прием	51
§ 10. Синархия физического мира	57
§ 11. Царство кристаллов	58
§ 12. Царство растений	63
§ 13. Царство животных	74
§ 14. Синархия царств природы	79
§ 15. Место человека в иерархии космоса	83
§ 16. Синархия царств идеального мира	85
§ 17. Основная антиномия человека, сопряженность в нем двух различных иерархий, трагедия как основной закон жизни	113
§ 18. Ноуменальная иерархия монад	124
§ 19. Феноменальная иерархия множеств	143
ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ	158
§ 20. Сопряженность ноуменальной иерархии монад и феноменальной иерархии множеств в жизни космоса. Трагедия мировой жизни и ее два основных вида	158
§ 21. Иерархия человеческого сознания в его статике и динамике	206
§ 22. Иерархия человеческих сообществ и их органическое устройство, социальные и духовные организмы	216
I. Государственное общество как организм	217
II. Учение об эгрегорах и его видах	259
III. Иерархии духовных организмов и их сознаний	296
Комментарии	303

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

§ 1. Закон синархии, его раскрытие в органическом строении космоса. Понятие об иерархии

В основе эзотерического мирозерцания лежит закон синархии [1]. Его бесконечно глубокое содержание чрезвычайно трудно выразить в системе слов и понятий, ибо оно по своей природе лежит выше области действия познавательных и изобразительных способностей интеллекта. *Вполне понять разумом закон синархии — значит не только усвоить все целостное содержание начала разума, но и исчерпывающим образом воспринять интеллигибельный облик мироздания.* Достижение этого идеала может быть лишь конечной целью всей эзотерической школы, к которой она должна неуклонно стремиться во всех своих начинаниях. Если бы этот идеал раскрывался лишь в самом конце пути развития, то он не имел бы никакого реального жизненного значения и являлся бы лишь отвлеченной эмблемой. Но всякий реально существующий идеал, в противоположность вымышленным девизам, оказывает свои воздействия на всем пути приближения к нему.

Стремясь к истине, человек предвосхищает основные ее веяния уже с самых первых к ней устремлений. Так и в данном случае, хотя мы и бесконечно далеки от целостного восприятия законов синархии, но все же можем твердо установить, что к его истинному содержанию можно приближаться лишь через углубление и органи-

ческое воссоединение ряда определенных идей. Всякий принцип таит в себе бесконечное содержание, ибо он объемлет в своих тональностях все космическое многообразие в некотором индивидуальном единстве, но в то же время может быть выражен в конечной совокупности слов. Такое выражение нисколько не претендует быть адекватным с действительным содержанием принципа, ибо оно является лишь символом, но именно в этой символичности вся цель его и оправдание.

Природа символа глубоко антиномична. С одной стороны, он образован из элементов феноменального мира, а с другой — он причастен к ноуменальному. Символ есть брешь в оковах тварности, через которую тварь получает возможность соприкоснуться с вечным и необусловленным. Символ как бы дает точку опоры идеальному в области относительного и тем раскрывает относительную свободу видеть идеальное и к нему тяготеть. Эзотерическая традиция может дать человеку, как выражение закона синархии, только ряд символов интеллигибельного порядка, но этим она раскрывает путь к такому глубокому внедрению сознания в этот корень космического бытия, на какое только оно способно.

Закон синархии есть данность — но данность не субъективная, а безусловная и общемировая, хотя и служит первоверховным принципом всего бытия нашего сознания, — и в то же время он является императивом, приводящим в сознание извне.

Закон синархии есть не только основной закон мира, но и самая его сущность, смысл и оправдание, он есть одновременно и цель, и механизм всего бытия. Поэтому познание закона синархии есть также и конечная цель всей эволюции человека на пути разума, и его собственное содержание. Как все великое и истинное, закон синархии весьма прост, но именно благодаря этому все величие и бесконечность его содержания могут быть хоть сколько-нибудь восприняты лишь путем долгого эволютивного подхода. Последовательно изучая одни его аспекты за другими, человек может постепенно асимптотически

приближаться к этому океану идей и воспринимать в своем сознании все яснее и ярче его целостный отблеск.

Европейская философия знает формулу: «Мир есть органическое целое», — это и есть простейшее выражение закона синархии. Однако оно крайне ограничивает и обедняет его содержание, ибо стремится утвердить лишь ту частную идею, что видимое многообразие вселенной есть раскрытие некоторого Высшего Единства, синтетически объединяющего все бесчисленные единичные виды и формы проявления. В одностороннем утверждении эта идея претворяется в провозглашение формулы: «Deus sive Nature», т. е. в понимание космоса как системы субстанции и ее атрибутов пантеизма Спинозы. Органическое мировоззрение [2] устраняет эту сектантскую односторонность, вводя идею Абсолюта, Который по сущности своего бытия надмирен, но раскрывается в мире как субстанция [3].

Собственная Его Природа определяется антиномией «Нирвана — Проявление», т. е. утверждается, что Абсолют одновременно имманентен и трансцендентен миру [4].

Раскрытие Абсолюта происходит сначала в идеальном мире, а затем Его ноумены, в свою очередь, раскрываются в единичных явлениях феноменального мира как субстанция второго разряда.

Не подлежит сомнению, что все эти идеи возникли в европейской философии в связи с быстро растущим в наши дни интересом к еще недавно, казалось, окончательно позабытой религиозно-мистической литературе и Востоку вообще. Только в самое последнее время эти доктрины начали получать формулировку, отвечающую требованиям европейской философской мысли, и благодаря этому стали занимать уже важное в ней место. Однако нельзя отрицать, что на европейской почве эти идеи еще далеко не достигли целостности, слитности и гармонической сопряженности, т. е. еще далеко не вылились в законченную систему. Если истинное эзотерическое учение есть нечто стройное и законченное, как кристалл, то

современная европейская мысль успела усвоить только отдельные и весьма разрозненные его звенья. Сложная система идей, выражающая гармоническое строение космоса в эзотеризме, объединяется в первоверховном законе его бытия — в законе синархии.

Наиболее легким для восприятия его выражением будет следующее: закон синархии есть закон иерархического строения космоса. Мировое многообразие не есть простая периферия Абсолюта (Брахмана), раскрывающегося в субстанции (Браме, Божестве Творящем — по эзотерической терминологии [5]), а стройный организм, где отдельные формы расположены по закону бесконечно углубляющегося синтеза. В этом определении неразрывно объединены две основные доктрины эзотеризма: 1) мир есть организм, т. е. нечто единое и целое, и 2) мир есть организм, а потому отдельные части его расположены по закону возрастания типов, т. е. по закону иерархии.

Глубокое понимание этих идей и неразрывную сопряженность мы встречаем уже у Плотина [6]. Подобно тому как наши члены суть части нашего тела, мы сами являемся частями вселенной. Вещи созданы одни для других. Все полно сигналов, и мудрый может выводить одну вещь из другой... Все соподчинено во вселенной ($\sigma\upsilon\upsilon\tau\alpha\xi\iota\varsigma\ \mu\iota\alpha$) [7]. Все вещи взаимно зависят друг от друга. Все согласуется в единой цели ($\sigma\upsilon\mu\pi\lambda\omicron\iota\alpha\ \mu\iota\alpha$) [8], и не только в каждом существе, в котором части совершенно объединены вместе, но и в более высокой степени — во вселенной.

Необходим единый принцип, чтобы сделать единым это множественное существо, чтобы сделать из него единый и всемирный организм [9]. Как в человеческом теле каждый орган имеет свою собственную функцию, точно так же и во вселенной каждое из существ имеет особое назначение. Благодаря этому они не только образуют части вселенной, но и сами по себе являются вселенными, обладающими самобытным значением [10].

Следовательно, все вещи проистекают из единого принципа, выполняют каждая свое назначение и находятся во взаимных воздействиях. Будучи отделены от вселенной, они оказывают и испытывают воздействия одна от другой. Каждая из них повторена и противопоставлена другой. Но их движение не является произвольным, не есть следствие случайностей. Они образуют ряд, где благодаря естественным связям каждая есть следствие предшествующего и причина последующего [11].

Эта же самая система идей выражена более кратко Шеллингом [12], где одновременно с целостностью и единством космоса он также резко подчеркивает иерархичность его строения: «Природа есть не только в целом частное единство идеального и реального, она представляет собой такое единство идеального и реального в частной форме каждой из своих ступеней, она есть ряд таких частных единств, подчиненных единству целого».

Приведенные тексты Плотина и Шеллинга с изумительной глубиной объемлют грандиозное содержание. Насыщенность этих словесных символов, их «духовная плотность» так велика, что для правильного усвоения таящегося в них необходимо пояснить их более подробным изложением. Идея целостности мира (космос) может быть воспринята без особых усилий, ибо она имеет многочисленные и яркие выражения в мировой литературе. Но идея иерархического строения космоса неизмеримо более трудна. Более того, по отношению к человеку, где иерархизм проявляется с наибольшей силой и отчетливостью, существует ложное мнение, прямо противоположное закону синархии, — это есть «*tabula rasa*» Локка или, в другой формулировке, лжепринцип «равенства», «одинаковости» всех людей.

Уже задолго до «великой» французской революции мудрый Сковорода [13] изрек: «Что глупее, как равное равенство, которое глупцы в мир ввести все покушаются?» — но и поныне «идея» равенства продолжает заливать кровью мир. В действительности в мире нет и

быть не может двух одинаковых форм или видов бытия, т. е. повторения, ибо это было бы признаком конечности мира, а следовательно, и ограниченности Производящей Силы Творца [14]. Наоборот, бесконечное многообразие, бесконечная роскошь вселенной как в великом, так и в малом — вот истинное Евангелие Божественного Всемогущества.

Идея равенства, мысль об одинаковости достоинства явлений природы или человеческих существ, есть в сущности аскетическое отвержение мира, обеднение его содержания, отрицание всякой самобытной ценности в его бытии, буддизм в его наихудшем виде. Идея равенства могла иметь и всегда будет иметь успех у тех народов, у которых мистицизм, не уравниваясь разумом и волей, принимает определенную нирваническую окраску. По этой причине она всегда будет иметь наибольшее распространение у тех классов, где меньше всего знаний и индивидуальной воли. Наоборот, чем выше развит человек, тем яснее он сознает, что неравенство есть первооснова мировой жизни.

Каковы же исходные, онтологические причины неравенства единичных проявлений бытия и в чем оно объективно сказывается?

Эзотеризм отвечает, что такой онтологической причиной является закон синархии, ибо он утверждает *принцип индивидуальности и возможность различного положения индивидуального бытия в системе иерархий*. Причиной же материальной является система двух элементов: *проявленная индивидуальность*, определяемая тональностями, объективным образом раскрывающимися индивидуальную самобытность ноуменального прототипа данного проявления, и *достигнутая ступень синархии*, соответствующая месту на лестнице совершенствования, которая, начинаясь от простейшей формы, затем постепенно приводит к целостному раскрытию системы потенциалов ноумена. Феноменальная жизнь рождается из проявления ноумена идеального мира, т. е. перехода его сознания из нирванического состояния в синархическое.

Механизм этого процесса состоит в том, что вся динамическая активность сосредоточивается в некотором фокусе на периферии синархической системы потенции ноумена — в «проявленном сознании» и, по мере эволютивного сознания и утверждения последним потенций, эта активность вновь воссоединяется с ноуменальным первообразом, но уже проникнутая синархическим сознанием.

Чем больше путь, уже совершенный кинетическим сознанием, тем более его *содержание*. Всякое сознание есть центрирование, объединение отдельных входящих в него элементов. При отсутствии этого центрирования совокупность элементов представляет собой только хаос, а потому и не может быть названа «сознанием». Здесь мы подходим также к так называемому в эзотеризме «закону пирамиды»: *чем больше число элементов, т. е. чем обширнее основание пирамиды, тем выше ее вершина, т. е. тем выше синтетичность объединяющего начала.*

Учение эзотеризма об иерархическом строении космоса находится в непосредственной связи с так называемой идеей прерывности. Развитие науки до конца XIX века характеризуется разносторонним утверждением и распространением обратной идеи непрерывности. Зародившись в глубокой древности, идея непрерывности получила точное выражение лишь с открытием дифференциального исчисления. По первоначально созданным понятиям дифференцирования и интегрирования (до Римана) они могли быть прилагаемы к одним только непрерывным функциям. Благодаря этому математика стала естественно обходить все те проблемы, где эта непрерывность нарушалась, считая все эти случаи лишь парадоксами, досадными курьезами. Из математики идея непрерывности постепенно перешла и в другие отрасли знания и таким образом сделалась одним из важнейших постулатов всего научного мировоззрения.

Понятие «непрерывность» и «закономерность» стали почти синонимами, и всякая попытка сомнения в ненарушимости непрерывности стала рассматриваться как

нелепый бунт против вечных и неизменных законов природы. Эта тенденция наиболее леденящим образом повлияла на круг идей психологических и социальных. Всякая возможность самобытного проявления индивидуальности, духа и свободной воли совершенно отрицалась, возможности развития и элемент неожиданности будущего заменялись строгой предопределенностью благодаря рабской подчиненности прошлому, вся поэзия жизни безжалостно умерщвлялась, ибо кроме механического нагромождения последовательных дифференциально малых феноменов человек ничего другого не хотел и не мог видеть, ценность личных дарований и роль гениев в истории культуры сводилась почти на нет, ибо в их творчестве отрицались главнейшие элементы: независимость, новизна, интуитивность и непосредственность откровения. Миросозерцание, фанатически поклоняющееся идолу непрерывности, несовместимо ни с религией, ни с признанием самобытности духа и души человека. Это, воистину, есть апофеоз пошлости!

«Вполне естественно, — говорит Флоренский [15], — было ждать, что сама виновница такого соблазна — математика — с течением времени захочет исправить ту односторонность миросозерцания, которую она, хотя и непреднамеренно, вызвала в умах целых поколений. Если математика подчеркнула идею непрерывности и конкретизация этой идеи вызвала однобокость миросозерцания, а вместе с тем ряд мучительных диссонансов и даже глубоко фальшивых нот, то можно было ждать, что критика такой идеи уничтожит односторонность, если она не законна, и санкционирует ее, если она необходима».

Этот столь необходимый переворот был произведен в восьмидесятых годах XIX века Георгом Кантором. Он доказал, что непрерывность есть не только частный случай прерывности». По словам Флоренского [16], «многочисленные исследования пространства с этой стороны вполне выяснили, что даже в последней крепости непрерывного, даже в непрерывном по преимуществу про-

странстве, на почве которого и была создана Зеноном и Парменидом идея непрерывного, даже в геометрических образованиях находит себе место прерывность. Пространственные образы, вообще говоря, прерывны, и только весьма специальные условия приносят в них тот комплекс признаков, за которыми мы имеем право называть эти области непрерывными». «Если вообще, — говорит Дедекин, — пространство имеет реальное бытие, то ему нет надобности быть непрерывным. Бесчисленные его свойства оставались бы теми же, если бы оно было разрывным».

Еще более ярко говорит об этом Кантор: «Гипотеза непрерывности пространства есть, следовательно, не более как предположение, само по себе произвольное, о полном однозначном и взаимном соответствии между чисто арифметическим понятием трех измерений (x, y, z) и пространством, которое служит основанием мира явлений. Мы легко можем сделать мыслью абстракцию от изолированных точек в пространстве, даже когда они густы в каждом протяжении, и примкнуть к понятию прерывного пространства A трех измерений, при условиях, описанных выше (в теореме). Что же касается до представляющегося тогда вопроса, а именно решить — можно ли вообразить непрерывное движение в таких прерывных пространствах, то нужно, как и ранее, ответить на него утвердительным и абсолютным образом... Итак, мы приходим к замечательному выводу, что никак нельзя заключать непосредственно из одного факта непрерывного движения к общенепрерывности пространства трех измерений (или двух), к такой непрерывности, какой мы ее представляем себе, чтобы объяснить явление движения».

Нетрудно заметить, какое величайшее значение имеют новейшие математические идеи для всего нашего мирозерцания.

Идея прерывности узаконивает скачок, перепад, мгновенное переключение в функциональном развитии. Строго последовательный неумолимо логический

процесс не только может нормально восприниматься прерывистым, но и вообще прерывность внешней манифестации есть общее свойство проявления, и только в частных случаях оно может объективироваться в непрерывном процессе.

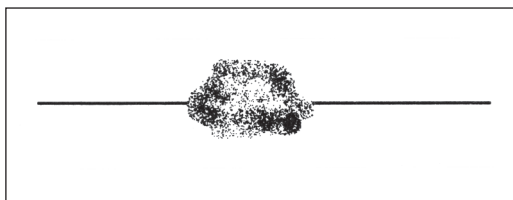
Отсюда же непосредственно вытекает доказательство и обратной теоремы: Если человек наблюдает скачок в процессе, то из одного этого факта он еще не имеет никакого права заключить о незакономерности его.

Натолкнувшись на такое обстоятельство, он должен прежде всего стараться уяснить, принадлежат ли обобщаемые им факты действительно к одному и тому же ряду, или он ошибочно принял в один квантум разнородные элементы. Если такой ошибки нет, то наш разум оказывается принужденным признать то, что с точки зрения прошлого науки должно быть охарактеризовано не иначе как классическое чудо.

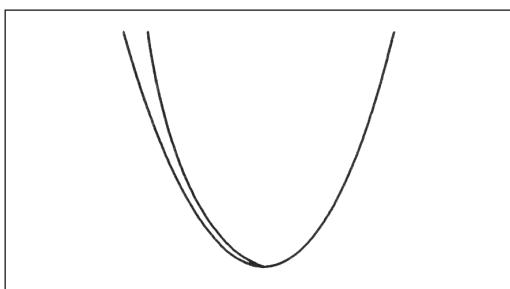
У о. Павла Флоренского имеется обширный и вполне законченный труд о целом ряде прерывистых функций, дающих необычайно интересные кривые.

К величайшему сожалению, это произведение до сих пор остается ненапечатанным. Некоторые из этих кривых изумительно точно выражают самые сложные и интересные явления человеческого сознания. Приведем несколько примеров:

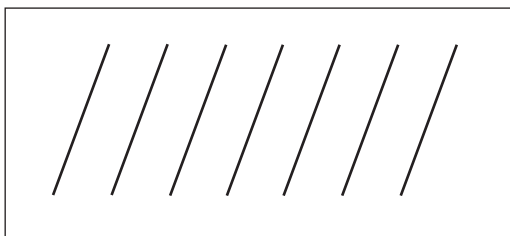
1). Непрерывная прямая вдруг неожиданно распадается на ряд точек, расходящихся пучком, а затем вновь собирающихся в одну непрерывную прямую. Все это выражается только одним уравнением, т. е. одним законом. Невольно восстает аналогия с явлением *временного распада сознания*.

- 2). Непрерывная кривая, начиная с некоторой точки, неожиданно раздваивается на две самостоятельные кривые. Это может выражать распад личности, как патологический, так и часто совершаемый в нормальной жизни, когда человек начинает объединять в своей целостной личности две отдельные. С другой стороны, эта диаграмма, показывая, что одной и той же абсциссе соответствуют две ординаты, может несколько помочь уяснить природу сознания, включающего в себя антиномичность, а потому имеющего по одному и тому же вопросу одновременно два различных решения.

- 3). Одно уравнение, единый закон выражает систему последовательных наклонных отрезков прямых, причем низшая точка каждого последующего отрезка лежит внизу на одной вертикали с высшей точкой предыдущего. По-видимому, это есть почти идеальная геометрическая интерпретация закона Кармы.

В каждом отдельном воплощении человек проходит все фазы от младенчества до старости, затем непрерыв-

ность нарушается и процесс начинается снова. Разумеется, такая диаграмма слишком примитивно выражает такой необыкновенно сложный закон, как Карма, но все же она вполне правильно иллюстрирует его основную идею [17].

Точная математика здесь сумела уловить строгую непрерывную последовательность истинной природы процесса под внешней иллюзией раздробленности и прерывистости.

В дальнейшем изложении — при кратком обзоре философии Бергсона — мы видим, что математическое учение о прерывистости находится в полной гармонии с собственной природой разума, который в принципе не может иначе воспринять данности опыта, как в прерывистых функциях. Теперь же мы воспользуемся этим понятием для нашей ближайшей цели. Мы уже сказали, что отдельные формы бытия различаются друг от друга по двум направлениям: по *индивидуальности* и по *степени синтетичности*. Иначе говоря, кроме понятия о количестве и взаимоотношениях элементов может существовать еще идея о некоторой умозрительной координате, положение на которой элемента определяет его «качество», синархическое достоинство. Так, например, идея всякого общего закона лежит выше на лестнице синархии, чем его конкретное сепаратное следствие. Общая идея прерывности должна быть для общности выражения проблемы одинаково приложима как к последовательности в цепи однородных по степени синтетичности явлений, так и к последовательности по только что поясненной умозрительной координате. Иначе говоря, **цепь синархической причинности лишь в частном случае может быть непрерывной, а вообще распадается на ряд отдельных звеньев**. Если теперь мы условно назначим некоторые величины: а, b, с и т. д, то мы получим ряд следующих друг за другом поясов. Такая геометрическая шкала и выразит наглядным образом иерархичности мира: закон, ими управляющий, и есть закон синархии. Для того чтобы идея иерархического строения космоса

стала бы совершенно ясной, мы поясним ее проявление как на пути духовного развития человека, так и в области физической природы.

§ 2. Простейшая количественная иерархия. Часть и целое. Инфра-мир и супра-мир

Различные виды энергии, как-то: звук, тепло, свет, несмотря на все разнообразие своих внешних качеств и проявлений, в действительности являются вполне тождественными по своей внутренней природе. Количество колебаний в единицу времени и длина волны являются независимыми переменными, создающими миры звука, тепла, света и др.

Видимая вселенная есть проявление видимой энергии, и вся многообразность форм бытия рождается из основного закона автономии: различные виды единой мировой энергии, отличающиеся между собой достаточно большими скачками в числе колебаний и длине волн, при одновременной деятельности остаются друг от друга независимыми, проявляются как бы в параллельных плоскостях, нигде не соприкасающихся между собой. Как бы прославив друг друга, различные виды энергии одновременно проявляются в одних и тех же телах, но каждый из этих видов живет по своим собственным законам и имеет дело лишь с теми свойствами тел, которые ему соответствуют. Этот закон совместного бытия и независимой деятельности различных видов энергии, закон автономии, является частным следствием всеобъемлющего закона иерархического строения космоса — закона синархии.

Мы рассмотрели простейший случай проявления закона автономии, когда отдельные виды общего начала обладают независимостью деятельности в своих областях. Но и здесь нетрудно уяснить, что этот закон провозглашает автономию общего порядка: *части связанных един-*

ством целого — части обладают полной самостоятельностью.

Это не есть противоречие, т. е. ошибка в умозаключении, а вполне гармоничная концепция. Связанность и независимость частей потому не могут исключать друг друга, что они зиждятся в различных планах, относятся к различным точкам зрения. Связанность частей в целом проистекает из их внутреннего сродства в более высокой идее или форме бытия, а их независимость осуществляется в самостоятельности периферических проявлений.

Отсюда непосредственно и вытекает антиномия чрезвычайной важности: всякая часть, живя самостоятельной жизнью части, в то же время живет и общей жизнью целого. К этой доктрине можно привести довольно большое количество примеров и иллюстраций. В особенности же интересны своей наглядностью новейшие достижения физиологии и гистологии. Так, каждый орган тела, оказывается, настолько самостоятелен (даже сердце), что может пережить иногда на довольно значительное время смерть существа [18], а в частности, может быть перенесен в другое тело [19]. Относительно второстепенных тканей это давно было известно, по новейшим же исследованиям это распространяется и на самые важные органы. Если, таким образом, автономность отдельных органов необходимо признать вполне доказанной, то и одновременная с этим их связанность не менее очевидна.

С другой стороны, самые понятия «часть» и «целое» исключительно зависят от точки зрения или, вернее, *масштаба зрителя*. Действительно, отдельная клеточка человеческого организма обладает самостоятельностью, рождается, развивается и умирает, является крохотным индивидуальным существом, но в то же время она есть лишь ничтожно малая часть тела. Но эта же самая клеточка является целым по отношению к составляющим ее молекулам, количество которых измеряется многими сотнями миллионов [20].

За молекулой идет атом, который представляет собой крохотную солнечную систему, ибо он образуется

частицей положительного электричества, вокруг которой обращаются несколько сот частиц отрицательного электричества — электронов [21].

Здесь мы, по-видимому, встречаем границу. Идя от человека в противоположном направлении, мы видим, что он прежде всего является частью своего племени, по отношению к которому он является лишь простой клеточкой. Племя, в свою очередь, есть составная часть, клеточка народа, за народом идет раса и, наконец, человечество, т. е. все население земного шара. По словам Густава Лебона [22], «можно сравнивать расу с соединением клеточек, образующих живое существо. Эти миллиарды клеточек имеют очень непродолжительное существование, между тем как продолжительность существования образованного их соединением существа относительно очень долгая, клеточки, следовательно, одновременно имеют жизнь личную и жизнь коллективную, жизнь существа, для которого они служат веществом». Я не буду доказывать здесь, что каждый народ или раса являются живым существом, имеющим свои особенности, привычки, страсти, заблуждения, миссию, идеалы и судьбу, ибо литература об этом слишком обширна, да и сама эта мысль не может вызвать сомнения у вдумчивого человека. В дальнейшем изложении мы еще вернемся к этому вопросу. Идея человечества, по-видимому, оказывает второй верхний предел нашей иерархии, которая, таким образом, оказывается справедливой только в определенных границах. Но так ли это?

Всякая идея по природе своей бесконечна, и именно эта бесконечность составляет ее основной признак, отличающий ее от конкретной мысли. Мысль есть нечто вполне конечное, относительное, феноменальное, а идея есть вестник бесконечного и абсолютного мира ноуменов. Самое рождение понятия «предел» есть признание разумом своего банкротства на весах абсолютного. Иерархия есть не только идея, но и идея первоверховного достоинства, и из нее проистекают целые гроздья идей более частного порядка. Поэтому иерархия даже в наи-

более грубом, материальном ее приложении, когда она утверждает возрастание синархичности лишь по размерам и сложности, необходимо должна продолжаться в бесконечность.

И действительно, строение атома невольно вызывает мысль о полной аналогичности его с Солнечной системой; с другой стороны, созерцание звездного неба пробуждает идею, что все эти мириады солнц — только атомы бесконечного... Эта мысль не нова и общеизвестна, но должного внимания к ней не обращалось очень долго. Размеры пространства и находящихся в нем тел не являются совершенно произвольными, а находятся в зависимости от скоростей. Все известные нам в мире скорости колеблются в определенных границах, а потому в них видели некоторый определенный масштаб пространства, существующий вполне объективно. С этой точки зрения размеры молекул существенно ничем не отличались от нуля, а диаметр Млечного Пути вполне удовлетворял обыденную потребность в бесконечном.

Дикари считают только до пяти, а затем говорят «много», европеец вполне удовлетворялся соответствующим количеством нулей при единице [23]. По существу, разницы в их «много» нет никакой. Отсюда же родились попытки раз и навсегда закрепить это «много» в виде теорий о криволинейности и замкнутости пространства, а потому и вполне определенной его конечности. Когда же мечтатели говорили о бесконечности вселенной, то их встречали насмешкой, ибо в таких громадных пространствах скорости всех известных движений становились исчезающе малыми, а потому такая бесконечность представлялась царством покоя и смерти. Между тем при всех этих рассуждениях упускали из внимания произвольность утверждения о строгой определенности *масштаба времени*. Последнее, как известно, ярко раскрыло свою несостоятельность в связи с открытием принципа относительности.

Совершенно непостижимо, как это могло произойти, но Плотин предвосхитил эту основную идею принципа

относительности: «Некоторые думали, что время проявляется в покое так же хорошо, как и в движении, и что вечность есть лишь бесконечность времени [24]. Они переносили так на каждую из вещей атрибуты другой... Как движения души отличны от движения звезд, ее время отлично от времени звезд, ибо деление этого вида времени соответствует пространствам, пройденным каждой звездой (т. е. скорости) [25]». Одному ученому [26] пришла мысль построить динамику для инфра-мира и супра-мира, для первого из которых наши атомы и электроны являются солнцами и планетами, а для второго — наоборот. Результаты этого исследования воистину поразительны.

Сравнивая размеры Земли, время ее обращения вокруг солнца с размерами электрона и временем его обращения вокруг ядра, Фурнье Дальб в обоих случаях находит то же отношение $k=10^{22}$, т. е. в инфра-мире пространство в k раз меньше, а время протекает в k раз быстрее. Поэтому для жителей инфра-мира «электрон несется в пространстве так же легко и величественно, как наша Земля на наш взгляд» [27]. При уменьшении пространства и времени в k раз, скорости, наблюдаемые в обоих мирах, будут одни и те же, но центробежные силы для уравновешивания движения в инфра-мире должны превосходить а 10^{33} раз ньютоновское тяготение. «Мы знаем, что это за новая центробежная сила. Это сила электростатического [28] притяжения». Но для инфра-мира — это его сила тяготения.

Показав таким образом динамическую устойчивость мира, Фурнье Дальб с разных сторон раскрывает полную аналогичность его нашему (сила, жизнь, механика, физика, астрономия, оптика, химия и биология инфра-мира). Одним словом, если бы мы в некоторый момент уменьшились в размере и во времени в k раз, т. е. стали бы жителями электрона, то видимый мир по существу остался бы совершенно тем же. В пучинах неба так же сочли бы звезды и планеты (другие атомы и электроны), а жизнь протекала бы по тем же законам. Во второй части своего труда Фурнье Дальб рассматривает наши звезды и планеты как

атомы и электроны супра-мира, время и пространство которого в k раз больше нашего. Показав закономерность его жизни, он делает гениальную догадку, что Млечный Путь есть супра-организм. По числу своих атомов (звезд) и по простой форме устройства он удивительно напоминает скромную амебу. Более того, по исследованию проф. Каптейна и Эддингтона, наша Галактика состоит из двух независимых систем, которые постепенно движутся одна сквозь другую и обладают не одинаковой скоростью. Поэтому то, что для нас есть два пронизывающих друг друга океана миров, в супра-мире есть лишь брачное сочетание двух амеб или акт рождения насекомого.

Раскрываемые Фурнье Дальбом два новых мира есть не только два мира, а жуткое расширение безграничности вселенной. Он сам не ограничивается только тремя мирами (супра-миром, нашим миром и инфра-миром) и говорит о бесконечной цепи вселенных, мы скажем об «иерархии миров», бесконечно уходящих и по возрастанию величин, и по убыванию. По-видимому, это наиболее яркое раскрытие человеческому уму, что такое есть в действительности бесконечность... Фурнье Дальбу принадлежат следующие глубокие слова: «Когда вместо нескольких миллионов лет мы охватываем всю вечность, то в действительности мы скорее встречаемся с некоторыми упрощениями, чем с обратным явлением. Первое из них есть то, что настоящий момент не отличается от какого-либо предшествующего момента во вселенной, взятой в целом. Что было, т. е. и будет [29]». Но совершенно то же самое надо сказать и относительно пространства.

Материализм, отрицая Бога, старался поразить человека миллиардами астрономических размеров. Для человеческого масштаба это слишком много, но для бесконечности и миллионы световых лет, и миллимикроны одинаково ничтожны: качественно они ничем не отличаются. Зная же беспредельную иерархичность миров, уже нельзя впадать в поклонение дурной бесконечности, ибо все размеры имеют чисто условное значение. Мы живем в мире, который в цепи вселенных обозначается некото-

рым, но какова его величина мы не только не знаем, но и не можем знать, ибо оно получает конечное значение лишь при утверждении некоторого условного начала отсчета. Поэтому миры $n+1$, $n+2$ или $n-1$, $n-2$ и т. д. качественно ничем между собой не отличаются. Иначе говоря, как во времени, так и в пространстве ни увеличением размеров, ни уменьшением их — сколько бы триллионов мы ни нагромождали — мы ничего нового не откроем.

Тайны секунды времени и сантиметра пространства должны быть постигаемы в том масштабе, в котором мы живем, т. е. исследование должно быть качественным, а не только количественным.

Истинность только что сказанного настолько очевидна, что, казалось, оно должно было всегда руководить всеми изысканиями человека. Между тем в материализме мы встречаем прямо противоположную тенденцию. Здесь мы встречаемся с весьма своеобразным фактом. Человек настолько начинает бояться представшей перед ним проблемы, требующей разрешения, что старается хотя бы на время отдалить от себя вопрос, сам себя обманывая. Так, не будучи в силах понять природу материи, он, начиная от Демокрита, как бы спрятал эту проблему за гипотезу об атомах. По существу он этим ровно ничего не объяснил, ибо атом, как частица материи, остается столь же непонятным, как материя в больших количествах или во всем своем целом [30]. Снабдив же атом признаком неделимости, он перевел его в область трансцендентного, т. е. как бы спрятал его от анализирующей критики разума. Новейшие учения об атомно-электрической природе материи, хотя и бросили широкий луч света в область неведомого, но по существу лишь отдалили грань, за которой начинается область *ignotamus'a*.

Мысль о бесконечности цепи миров по закону геометрической прогрессии с коэффициентом $k=10^{22}$ и ценна прежде всего тем, что она кладет предел тому странному поведению человечества, которое так напоминает страуса, убежденного, что когда он прячет свою голову в кустах и не видит врагов, то и враги его тоже не видят.

Благодаря истинно широкому взгляду вопрос о природе материи сразу становится беспочвенным и пустым. Она окончательно развенчивается как основная субстанция мироздания и на ее место становится *закон иерархического строения форм*, а сама идея материи нисходит до простого понятия об одной из конкретных форм единой космической энергии, имеющей реальное содержание лишь при соответствующем масштабе воспринимающего органа наблюдающего [31].

§ 3. Понятие о качественной иерархии

Мы только что разобрали иерархический закон в самой простейшей его форме, в его, так сказать, *геометрическом* аспекте. Теперь перейдем к исследованию его в более глубоком смысле, когда он приобретает новые, более тонкие формы, благодаря чему и становится *законом синархии*.

Мы разделяем природу на царства минералов, растений и животных. Это разделение искусственное, ибо нет в мире ничего мертвого и все формы жизни непрерывно связаны между собой от простейших до наиболее совершенных, будучи отделены лишь этапами эволюции. Стремление к сложности, разнообразию и оригинальности есть основной принцип, который, уравниваясь противоположным началом (инволюцией, реинтеграцией), и осуществляет биение космического пульса. Так в хаотическом состоянии находится лишь одна первичная материя, образующая космические туманности. С началом образования первичных химических элементов в виде легчайших газов (по Морозову — протоводорода, протогелия и архионии) уже возникает первичная атомная кристаллизация, которая затем переходит в молекулярную. Поэтому газы не могут быть названы уже хаотическими, ибо действие Логоса проявилось в образовании

их атомов и молекул, хотя бы и не связанных между собой. В жидкостях уже появляются признаки более высокой, более синархической организации в так называемых жидких кристаллах.

По новейшим исследованиям, все твердые тела кристалличны, а все аморфные суть жидкости. Как плавлен переход между жидкостями и твердыми телами, так и между неорганическим и органическим мирами. Таящаяся в минералах жизнь (рост кристаллов) ярко раскрывается в растениях. В мире животном появляется воля, и, наконец, в человеке она становится свободной. Но во всей этой иерархии жизни неизменно соблюдается общий принцип, что каждый высший вид, хотя бы в конспективной форме, заключает в себе всю эволютивную цепь предшествующих видов. Эволюция вечно идет вперед, но при этом ничего не утрачивается.

Биогенетический закон Геккеля, гласящий, что зародыш в утробе матери проходит быстрыми шагами весь эволютивный ряд промежуточных до данного вида существа форм (например, в одно время у ребенка начинают формироваться жабры, затем уступающие место легким, и т. д.), воочию показывает неизменную справедливость принципа, что всякая высшая форма достигается лишь путем эволютивной иерархии низших, как ее трансфинитум. Перефразируя сказанное, мы видим, что каждая высшая форма получается из низшей через прибавление некоторой новой ценности. На языке эзотеризма можно сказать, что каждая высшая форма синархичнее низшей.

Итак, закон иерархии распространяется не только по количеству, но и по качеству, и именно в последнем случае начинают обнаруживаться его глубины. *Цепь царства природы есть качественная иерархия, постепенное нарастание синархии.* Но эту идею мы осветили пока только с внешней стороны, только с точки зрения совершенства форм и механизма жизни. Неизмеримо более интересна синархия духа, иерархия внутреннего содержания форм. Только здесь раскрывается все величие закона синархии, его достоинство первоверховное.

§ 4. Потенциальная иерархия идеального мира раскрывается в космосе.

Принцип индивидуальности и принцип группы. Н. В. Бугаев

Космос есть единый организм, и, как всякий организм, он имеет и свою внутреннюю сущность, и свое тело. Согласно Плотину, «так как мы говорим, что мир не начал быть во времени, а существовал вечно, то мы можем утверждать, согласно с разумом и нашим верованием (в вечность мира), что мировое Провидение состоит в том, что вселенная подобна Разуму и что Разум существует внутри вселенной (το κατά νοῦν το πᾶν καὶ νοῦν προ αὐτοῦ ἐστίν), но не во времени (ибо бытие Разума не предшествует бытию мира), но (в порядке вещей) потому, что Разум по природе своей предшествует миру, истекающему из Него, Который есть Причина, Архетип и Первообраз (αἰτίος, ἀρχετύπον, παραδείγμα), и потому, что Он дает ему бытие всегда тем же способом» [32]. Иначе говоря, видимая вселенная есть раскрытие интеллигибельного мира (κόσμος νοητός). «Этот мир не начался и не кончится, он будет существовать всегда, подобно миру интеллигибельному» [33]. «Мир есть действительно образ непрерывно создающийся (εἰκὼν ἀεν εἰκομιζομένην)» [34]. Гераклит говорил: «Даже само солнце находится в состоянии постоянного делания (γίγνεσθαι)» [35].

Интеллигибельный мир, мир ноуменов, есть идеальное раскрытие Бога, т. е. целостная синархия, т. е. бытие вневременно и внепространственно: это есть мир только взаимно сопряженных первообразов, но не мир индивидуальных существ, осознавших себя и в своей исключительности, и в своей соподчиненности абсолютному целому. Это есть первообраз синархии, но не синархия реализованная, синархия космоса.

По учению Плотина [36], «Чистый Разум и Сущий в себе утверждают истинный и первичный мир (мир интеллигибельный), который не имеет протяжения, кото-

рый не ослабляется никаким разделением, который не имеет никаких недостатков, даже в своих частях (ибо не одна часть не отделена от целого). Этот мир есть всемирная жизнь и всемирный разум, он есть единство одновременно живое и разумное, ибо каждая часть здесь воспроизводит целое, и это единство царствует во множестве с совершенной гармонией, ибо никакая часть не является отдельной, независимой и уединенной от другого, точно так же здесь есть противопоставления, но нет борьбы. Будучи всюду единым и совершенным, интеллигибельный мир неподвижен и неизменен».

Жизнь видимого мира имеет свою конечной целью реализацию мира интеллигибельного. Идеальный мир есть только мир идей, т. е. план идеального организма, но не самый организм. В жизни космоса идеи вечно *раскрываются*, а все живущее в нем *эволюционирует*, стремится реализовать актуально свои первообразы. Но космос есть не только мир форм, но и мир индивидуальных сознаний, раскрытий субстанций второго рода — монад. Именно в монадах оба мира — идеальный и проявленный — находятся в неразрывной сопряженности. Корни монады, ее собственная природа, лежат в области ноуменов, но ее сознание и самоощущение находятся в мире времени и меры. Путем долгой эволюции сознание постепенно осознает содержание своего духовного центра, монады [37], воспринимая через высшую интуицию — внутренний опыт, последовательно одну за другой — конкретные идеи, а через низшую интуицию — внешний опыт, утверждая соответствующие этим идеям феноменальные формы. Поэтому люди на Земле не только *припоминают* (Платон), но и *творяют* (Бергсон), т. е. жизнь имеет и ноуменальное, и феноменальное оправдание.

Первоверховная антиномия «единство — множественность» одновременно утверждает принцип индивидуальности и принцип группы. Действительно, множественность проистекает из расчленения единого целого на квазисамобытные индивидуальные субстанции [38], а возможность различного совершенства индивидуаль-

ного сознания, т. е. различной степени осознания своего духовного содержания, приводит к идее иерархии состояний сознания. С другой стороны, абсолютное единство не может сразу, одним скачком распасться на абсолютное множество, ибо такой распад был бы разрывом, разрушением и уничтожением всякой возможности сохранения в таком множестве идей общей целостности. Полюсы всякой антиномии абсолютно противоположны друг другу, но в то же время они всегда остаются неразрывно связанными между собой. Такая сопряженность осуществляется плавной иерархией промежуточных состояний бытия и сознания [39].

Единство сопрягается с множественностью и иерархией частных единств и частных множеств, в этом и состоит закон синархии.

Иерархия этих единств находится в ноуменальном мире, иерархия этих множеств — в феноменальном. Потенциально обе эти иерархии сопряжены в интеллигибельном мире, а актуально — во вселенской семье монад, образующей космос.

Множество, соответствующее частному единству, называется группой (*mengo, mannigfaltigkeit, ensemble*). Все явления в мире прежде всего могут быть разделены на два основных вида. В первом они или являются целостным организмом, целиком объединяющим все элементы группы с соответствующим единством, или лишь стремятся к этому, но являются чистыми, т. е. их организм объемлет лишь часть элементов группы, но *только этой группы*. Во втором они являются составными через искусственное объединение элементов разнородных групп. Ясно, что в первом виде явления суть реализация действительно существующих идей, а во втором виде делается попытка создать реальность из нереального, благодаря чему возникает мнимая реальность, т. е. ложь.

Это разделение прекрасно проведено Порфирием [40]: «Всякая порожденная вещь существует благодаря причине своего порождения, потому что ничто не рождается без причины. Но между порожденными вещами

те, которые обязаны своим бытием соединению элементов, являются тленными, преходящими. Наоборот, те, которые, не будучи составными, обязаны своим бытием простоте своей субстанции, являются непреходящими и неразрушимыми; говоря, что они рождены, не понимают, что они являются составными, но только, что они зависят от причины, а затем как составные. Душа и разум являются рожденными в том смысле, что они происходят от причин, но не что они являются составными». В синархическом строении космоса нет места мнимым реальностям, ложным построениям, но возможность их иллюзорного бытия предусматривается, как уклонение или извращение отдельных звеньев иерархии. В идею организма не могут входить болезни, ибо они не имеют ноуменальных первообразов, а существуют лишь как разрушение гармонического бытия.

Итак, закон синархии имеет дело лишь с монадами и чистыми множествами, ибо синархично только то, что чисто реально, или, говоря словами Плотина, Божественно [41]. Как уже было сказано, идеальный мир есть средоточие всей реальности, но в нем иерархия монад не имеет перспективы, т. е. отдельные звенья ее обладают лишь потенциальной возможностью индивидуального самосознания, но не имеют его актуально. Мир времени и меры в том и имеет смысл, цель и оправдание своего бытия, что он есть арена, где монады путем постепенной эволюции осознают свое содержание и свою индивидуальность.

Закон синархии есть закон механизма проявленного бытия и совершающегося в нем эволютивного опыта. Идеальный мир в его целом есть монада высшего порядка — соответствующим ей множеством является вся проявленная вселенная. Закон синархии гласит, что высшая монада расчленяется на ряд монад второго порядка, монада второго порядка — на ряд монад третьего порядка и т. д. Но во всей этой иерархии монады всех порядков являются целостными индивидуальными существами, и расчленение каждой из них ни в коей мере не свиде-

тельствует об утрате ее индивидуальной целостности и расчленении личности.

Каждая высшая монада объемлет всю иерархию вытекающих из нее монад низших порядков в едином целостном самоощущении, т. е. их множественность неразрывно сопряжена с единством в едином живом организме. С другой стороны, каждая монада иерархии не есть только интеллигибельный узел системы, а личность, лик, *ἰσότης*, в прямом и самом глубоком смысле. Подобно тому как в человеке существует целый ряд волевых центров и частных концепций мыслей и чувства, но в то же время они, будучи в своих пределах самостоятельными, синтетически объединяются в идее человека [42], так и множественность подмонад лишь вносит в самоощущение монады многосторонность и многокрасочность, но не распыляет ее единства. Таким образом, вся иерархия монад построена на идее совершенной сопряженности полюсов антиномии «единство — множественность».

Ряд непосредственно входящих сюда идей с выдающейся глубиной изложен Н. В. Бугаевым [43]. Ввиду редкости его «Монадологии» и сжатой красоты изложения, я позволяю себе процитировать ряд его тезисов:

«1. Монада есть живая единица, живой элемент. Он самостоятельный и самодеятельный индивидуум.

2. Она жива в том смысле, что обладает потенциальным психическим содержанием.

11. Монады бывают весьма разнообразны.

12. Они различаются по взаимному отношению друг к другу и бывают *различных порядков*.

17. Порядок монад вверх и вниз идет до бесконечности.

22. Психическое содержание монад первого порядка по отношению к психическому содержанию монад второго порядка может быть иногда рассматриваемо как *синтез* (с качественным превращением), иногда как *обобщение*, иногда как *отвлечение*...

29. Несколько простых монад вместе могут образовать одну сложную монаду.

38. Мировой процесс с внешней точки зрения приводится к последовательному образованию и распадению сложных монад различных порядков.

78. Монада каждого комплекса живет своей индивидуальной жизнью, жизнью ближайшего комплекса, следующего высшего комплекса и т. д.

90. Когда при данных условиях сложная монада не может продолжать своего бытия в интересах дальнейшего развития, она распадается. Она распадается, когда каким-нибудь образом нарушается внутренняя или внешняя гармония ее бытия.

91. Это распадение сложной монады есть только видимое разложение. Ни монады, входившие в нее, ни сама она не исчезают.

104. Конечная цель деятельности монады — снять различие между монадой и миром, как совокупностью всех монад, достигнуть бесконечного совершенства и стать над миром.

149. ...Вселенная как бы стремится сделать монаду целым миром, безграничным и совершенным, а монада пытается преобразовать мир в монаду. Мир увеличивает потенции монады, подвигает ее экстенсивное совершенствование, а монада стремится увеличить в мире интенсивное совершенствование. Она пытается осуществить в мире внутреннюю гармонию, превратить его в художественное здание, в котором целое соответствовало бы частям, а части — целому. Из взаимного их совершенствования экстенсивного и интенсивного вырабатывается их взаимное согласие и соответствие.

151. Мир не равен самому себе, а постепенно улучшается, хотя в нем и в монаде потенциально заключаются все данные для их бесконечного развития и блага».

Замечательная работа Бугаева, несмотря на крупные достоинства, обладает, однако, и весьма серьезным недостатком. Он не улавливает резкой непреходимой грани между иерархией монад и иерархией множеств, благодаря чему его монады получают слишком материальное толкование. В противовес этому эзотерическая

философия учит о двух глубоко антиномичных иерархиях — ноуменальной и феноменальной, но находящихся в неразрывной сопряженности. Все монады живут в интеллигибельном мире, все множества находятся в мире времени и меры. Для того чтобы выявить в сознании эзотерическую идею с полной отчетливостью, мы разберем более подробно ее отличие от наиболее известных монадологий в истории философии.

§ 5. Монадология Канта и Лейбница, их различие и сходство, их ошибочность

Существует два воззрения на монады, которые с первого взгляда представляются абсолютно противоположными, но в действительности имеют и нечто общее, и притом по самому существу. Согласно одному учению, монада есть физическая реальность, атом, неделимая частица материи. Так, Кант в своей «Физической монадологии» [44] говорит: «Простая субстанция, называемая монадой [45], есть та, которая не составлена из множественности таких частей, чтобы одна из них могла существовать отдельно и независимо от других» [46]. «Тела состоят из монад» [47]. «Любой простой элемент тела, или монада, не только находится в пространстве, но и наполняет пространство, причем, однако, простота его не уничтожается этим обстоятельством» [48].

Таким образом, кантовская «монада» есть только физический атом, из которого построена вся вселенная. В то же время его монада обладает определенными *энергетическими свойствами*. Из текста «Монадологии» не видно, как Кант объясняет наличие в мире психических явлений. Если он отрицает существование Ноуменальной Реальности, то он должен показать, как из совокупности монад рождаются явления хотя бы чувства и интеллекта, факт существования которых может быть отрицаем лишь в аб-

солютном нигилизме. Если же Кант признает существование Надмирной Реальности, хотя бы и непознаваемой, то он должен признать или факт вмешательства Божественной Силы при образовании атомами живых существ, или то, что уже в простейших монадах потенциально заключено психическое содержание. Иначе говоря, Кант должен или перевернуть всю свою систему, или согласиться, что монады суть духовно-физические существа.

Именно это утверждает другое воззрение на монады, которое обыкновенно считают диаметрально противоположным материалистическому. Основная идея этого мировоззрения была выражена Порфирием в «Началах теории умопостигаемых»: «Когда бестелесные субстанции нисходят, они разделяются, множатся и их мощь ослабевает по мере уподоблений индивидуальному. Когда они поднимаются, то, наоборот, они упрощаются, объединяются и их мощь преизобилует» [49].

Иначе говоря, монады по своей внутренней природе принадлежат области духа, миру идеальному, но в то же время нисходят в мир и облакаются феноменальными покровами. Это мировоззрение получило полное выражение у Лейбница. Он рассматривает каждую монаду как целостный маленький мир, аспект микрокосма: «Каждая субстанция (монада) выражает всю вселенную, но одна отчетливее, чем другая, вообще каждая относительно и в зависимости от ее особенной точки зрения» [50].

В то же время каждая монада совершенно изолирована и непроницаема для других подобных. Согласно образному выражению Лейбница, «Монады не имеют окошек, через которые что-нибудь могло бы войти или выйти» [51]. Вообще, как резюмирует учение Лейбница о жизни монад Куно Фишер, «Каждая монада действует совершенно самостоятельно без всякого воздействия со стороны остальных» [52]. Последнее непосредственно вытекает из основного определения Лейбницем принципа индивидуальности: «*Principium individuationis idem est quod absolutae specificationis, que res ita sit determinate ut ab aliis omnibus distingui*» [53].

В сущности говоря, идеи Лейбница о монаде наиболее кратко и точно сводятся к следующей мысли Бена [54]: «Единая субстанция с двоякого рода проявлениями, как бы с двумя сторонами, одной физической, другой духовной — двуликое единство, — по-видимому, является ключом проблемы» [55].

Такое представление о монаде неизмеримо более приемлемо, чем кантовское, но в то же время нетрудно уяснить, что лейбницевский спиритуализм находится в резком противоречии с двумя взаимно сопряженными основными доктринами истинного спиритуализма. Во-первых, лейбницевская монадология вносит идеи множественности в природу духа, т. е. идет вразрез с доктриной об органической целостности мира. Во-вторых, она также находится в полном противоречии с учением об интеллигибельном мире, основная идея которого определяет его нераздельность через гармоническое сопряжение частей и абсолютную неподвижность, как следствие его совершенства. Поэтому противоречие между Кантом и Лейбницем вовсе не так глубоко, как это принято думать. Оба они основополагают идею множественности и неделимости индивидуумов, если же Лейбниц определенно утверждает духовно-физическую природу монад, то и у Канта, как это мы показали выше, подобное утверждение неустраимо и лишь неправомерно сокрыто.

Весьма интересно, что основная ошибка лейбницевской монадологии замечается уже у неоплатоников, хотя именно им же человечество обязано глубоким осознанием идеи интеллигибельного мира. Но мы не имеем права им, так же как и Лейбницу, ставить это в вину, ибо они не располагали теми знаниями, которые дает нам новейшая европейская наука. Иерархию монад нельзя правильно построить без параллельного построения иерархии множеств. Учение же о множествах было создано лишь за последние десятилетия. Обратимся теперь к эзотерическому учению о космических иерархиях.

§ 6. Первоверховная антиномия «единство — множественность» и ее раскрытие в двойственной иерархии монад и множеств. Эзотерическое определение монады. Три идеальных мира: абсолютный, актуальный и потенциальный

Глубинным корнем всякого учения об иерархии служит антиномия «единство — множественность». Ошибка неоплатоников, а за ними и Лейбница проистекает из незнания теории антиномии. Так как этим сложным доктринам специально посвящен мой обширный труд «Основные законы архитектоники мира», то я ограничусь лишь конспективным изложением конечных выводов.

Природа и достоинство членов антиномии неодинакова. Вся сущность, все корни бытия заключены в тезисе, а антитезис имеет целью своего существования раскрытие содержания тезиса. Сгармонизированной антиномией называется такая, где члены взаимно отражены друг в друге, благодаря чему возникает система гармонического кватернера.

Принцип единства по самому существу своего бытия ноуменален, а принцип множественности — феноменален. Иначе говоря, исконная природа идеального мира — единство, исконная природа мира времени и меры — множественность. Единство без множественности не может сознавать своего содержания, множественность без единства лишена реального содержания и есть лишь потенциальный образ хаоса. Жизнь космоса есть постоянная реализация содержания единства во множественности и гармонизация множественности в единстве. Конечный предел его эволюции есть полная реализация множественности потенциалов единства и полное объединение всего многообразия в едином центре. Космос стремится к этой цели в двух неразрывно сопряженных процессах: путем беспредельной дифференциации единства и путем организации множественности. Так возникают две

параллельные иерархии: *иерархия единств* и *иерархия множественностей*.

В силу своей природы Единое неизменно равно самому себе, изменяется лишь его самосозерцание. Одновременно с перманентным сознанием своей простоты, как единства, у него постепенно возрастает от нуля до бесконечности сознание своей органической сложности. Эта сложность по существу всегда в нем присутствует, ибо Единое может быть Единым только будучи всем, но сознание этой сложности эволютивно развивается. Перманентный аспект самосознания Единого с изумительной глубиной выражен Порфирием: «Для того чтобы объяснить как можно лучше природу бестелесного бытия, древние не ограничивались, сказав: *оно едино*, но добавляли: *и все...*; сказав: *оно везде*, добавляли: *оно нигде...*; сказав: *оно во всем*, добавляли: *целиком*» [56].

В собственной природе единства потенциальная множественность его содержания сопряжена с ним потенциальной иерархией модусов самосозерцания. Каждый модус объективирует в единстве соответствующий себе аспект. Такой аспект относится к единству не как геометрическое сечение к целому, а как органическое членение, необходимо заключающее в себе одновременно с индивидуальной самобытностью и общую идею целого; органические членения единства в эзотеризме именуется монадами. Их бытие вечно и неизменно, они одновременно и уединены в своих индивидуальностях, и неразрывно сопряжены с целым. Эти идеи, как известно, занимают центральное место в философии Плотина: «Здесь (в мире времени) каждая часть происходит из другой части и остается частью, так же (в мире вечного) всякая часть происходит из целого, причем целое и часть совпадают. Часть кажется частью, а для острого зрения, как у мифологического Линкея, который, говорят, видел внутренность Земли, открывается как целое. Там всякое существо объемлет в себе весь мир и созерцает его целиком во всяком другом существе, так что повсюду находится Все, и все есть Все, и каждое есть Все,

и беспределен блеск этого мира» [57]. Основную антиномию природы монады, что она есть и часть, и целое, с удивительной проникновенностью выражает Джордано Бруно [58]: «Монада — Само Божество, только в каждой монаде слагается и является Оно в особой форме. Это и есть самая глубокая противоположность, содержащаяся во вселенной, всякая ее монада — зеркало мира, оно в одно и то же время и целое, и вещь, отличающаяся от всех других, она повсюду одна и та же мировая сила, но все же всякий раз в ином образе. Целое существует, поскольку оно живет в единичном, единичное существует, поскольку носит в себе силу целого. *Omnia ubique*».

Идея *потенциальной иерархии* нова для европейской мысли, а поэтому необходимо дать ей вполне ясное выражение. Эзотерическая философия учит, что существуют два идеальных мира: потенциальный и актуальный; они связаны тем соотношением, что потенциальный вечно переходит в актуальный в эволютивной жизни космоса. Потенциальный идеальный мир соответствует перманентному самосознанию Единым своей простоты. Абсолютное единство вечно объемлет свое содержание, а потому и иерархия его качественностей есть нечто абсолютно субстанциональное, вечное и недвижимое. Но она не проникнута творческой перспективой, не осознана в своих индивидуальных звеньях, а потому есть лишь первообраз космического организма, обладает лишь потенциальным бытием. По мере эволюции в мировой жизни, отдельные монады, одна за другой, осознают свое содержание, т. е. организуют соответствующие им множества. В гармонии с этим процессом они претворяются из абстрактных модусов Единой Реальности в реальные индивидуальные субстанции второго рода. Будучи в то же время частью потенциальной иерархии, они тем самым претворяют соответствующие звенья ее в актуальные начала.

Итак, жизнь мира есть эволютивное претворение монад в актуальные фокусы бытия и одновременно с этим реализация потенциальной иерархии в беспредельном

возрастающем актуальном идеальном мире. В аспекте эзотерической гносеологии потенциальный идеальный мир есть тезис, раскрывающийся в актуальном идеальном мире как антитезисе. В целом эта антиномия стремится выразить принцип Абсолютного идеального мира, по отношению к коему она в своем целом является антитезисом. Как тезис, он имеет своим целостным антитезисом мир реализованного Логоса, т. е. совершенный космос, объемлющий собой и целостное раскрытие идеального потенциального мира в актуальном, и совершенную организацию мировой множественности в беспредельно возрастающей иерархии множеств различных порядков.

Таким образом, абсолютный идеальный мир раскрывается в кватернере: тезис есть антиномия «потенциальный идеальный мир — актуальный идеальный мир», а антитезис есть антиномия: «хаос — органический космос».

Из изложенного ясно, что монады как звенья иерархии идеального мира всегда остаются в нем и в нем же протекает их эволюция. Эта эволюция не касается ни сущности их бытия, которое всегда божественно, ни его содержания, ибо оно абсолютно предопределено положением монады в иерархии. Эволюция состоит лишь в развитии самосознания, благодаря которому монада претворяется из потенциальной реальности в актуальную.

§ 7. Космогонический метод.

Потенциальный идеальный мир и хаос.

Отражение полюсов антиномии «единство — множественность» друг в друге

Все настоящее в исследовании имеет целью раскрыть начала учения об эволюции и проявлении монады. Теперь же мы наметим основные эзотерические доктрины

о монадологии и о космических иерархиях. Наше сознание не может сразу воспринять органическое строение мира, и потому по необходимости должно расчленять целое на ряд более частных идей. Наиболее совершенным является метод так называемого космогонического сознания. При помощи его человек условно замещает истинную синархическую причинность искусственной генетической причинностью, т. е. последовательностью во времени, и, после познания отдельных членов этого ряда, вновь объединяет их в истинном синархическом единстве.

Пользуясь этим методом, мы и постараемся обосновать необходимость и механизм иерархического строения космоса. Ввиду полной невозможности обрисовать отдельные частные идеи, я буду считать читателю известным содержание моей работы «Священная Книга Тота. Великие Арканы Таро. Абсолютные Начала Синтетической Философии Эзотеризма».

Непознаваемый Абсолют (Аркан 0) раскрывается в антиномии Трансцендентного Лика (Аркан XXI) и Лика Имманентного (Аркан XXII). Древняя Индия знала это двойственное откровение Непознаваемого, так, мы читаем в Упанишадах следующий текст: «То, что именуется Ом, воистину, о Сатиакама, есть одновременно Браман Высший и Браман Низший, вот почему тот, кто знает Ом, может безусловно понять Того или другого из них» [59]. Рождением этих двух Ликов утверждается антиномия двух миров: трансцендентного и имманентного. С этого момента входит в силу закон аналогии Изумрудной Скрижали Гермеса Триждывеличайшего: «*Verum sine mendacio, certum et verissimum: quod est inferius est sicut quod est superius; et quod est superius est sicut quod est inferius, ad perpetranda miracula rei unius*» [60].

Согласно этому закону, всякая идея ноуменального мира имеет свое феноменальное соответствие. Значение этой доктрины неизмеримо колоссально. Постараемся воспользоваться ею при изложении труднейшего отдела эзотерической философии — учения об иерархиях.

Отражением Трансцендентного Абсолюта является Имманентный Абсолют — протяжение по пространству и времени. Содержание Трансцендентного есть потенциальный идеальный мир, содержание Имманентного Абсолюта есть хаос. Конечной целью потенциального идеального мира является претворение его в актуальный идеальный мир; конечной целью эволюции хаоса является претворение его в совершенный иерархический организм — космос. Высшая идея ноуменального мира есть Абсолютная Личность, Божество Творящее; высшее свойство хаоса есть его органическая целостность, вложенная в него потенциально с самого его рождения и стремящаяся раскрыться в космосе.

Механизм раскрытия потенциальной иерархии потенциального идеального мира и организации хаоса в иерархический космос один и тот же. Он осуществляется законом взаимно сопряженных дифференциаций и интеграций. Иначе говоря, как в том, так и в другом потенциальное единство претворяется в актуальное через утверждение множественности и организацию ее по иерархии. Параллелизм и неразрывная сопряженность потенциального идеального мира и претворения в иерархию множественности могут быть прекрасно пояснены следующим простым примером: если имеется некоторое магнитное поле, то ни отдельные силовые линии, ни их гармоническая системность при отсутствии соответствующего объекта не могут быть никак обнаружены. Если же мы внесем в магнитное поле железные опилки, расположенные ровным слоем на листе бумаги, и слегка встряхнем их, то тотчас же опилки расположатся по силовым линиям поля и наглядным образом обнаружат не только его наличие, но и его свойства. Точно так же и идеи в своей уединенности не только не могут раскрыть свои свойства, но и даже обнаружить своего присутствия.

Такое их состояние обладает всеми признаками потенциальности, а потому и должно быть охарактеризовано именно этим словом. Когда же в сферу тяготения идей

попадают соответствующие феномены, то они не только видимым образом раскрывают факт своего бытия, но и обнаруживают все свои свойства.

На этом простом примере становится вполне понятно не только соотношение между ноуменальным и феноменальным бытием, но и смысл, призвание и оправдание последнего. Наконец, этот же пример иллюстрирует доктрину, что всякая ноуменальная идея может быть выражена в феноменальном мире, пользуясь исключительно его средствами. Действительно, на нашем примере железные опилки до внесения в магнитное поле и после этого целиком оставались в феноменальном мире.

Ноуменальное творчество проявилось только в организации феноменов, но эта организация вполне точно выразила идею и свойства силы, оказавшей воздействие.

Итак, с утверждением антиномии Трансцендентного и Имманентного Ликов Абсолюта возникает потенциальный идеальный мир и хаос. Оба они находятся в потенциальном состоянии, но эти их потенциальности имеют противоположные природы. Потенциальность первого из них проистекает лишь из отсутствия объекта, на который могла бы излиться сила, если можно так выразиться, эта потенциальность является таковой лишь *de facto*, но не *de jure*. Наоборот, хаос сам по себе абсолютно инертен, лишен всяких признаков способности к силе и движению [61].

Такая потенциальность может иметь место лишь при искусственном объединении полюсов первичной творческой антиномии. В действительности, с момента своего возникновения они начинают тяготеть друг к другу, и результатом является рождение иерархии.

В первый этап творчества реализуется антиномия «единство — множественность». Потенциальный идеальный мир противопоставляет себя хаосу, как единство — множественности. Во второй этап — полюсы этой антиномии взаимно отражаются друг в друге: потенциальный идеальный мир осознает себя как единство, стремящееся раскрыть множественность своего

содержания, а хаос — как множество, долженствующее быть организованным в единство. Только после этого отражения единство идеального мира и множественность хаоса делают возможность актуальной реализации — свободной (т. е. эта возможность перестает быть связанной).

Иначе говоря, единство идеального мира и стремление к дифференциации его содержания из умозрительного признака претворяется в реальные, вполне определенные силы, жаждущие проявления, множественность хаоса получает свободу объективного проявления. Это осуществляется в третьем этапе творчества.

§ 8. Претворение аморфного хаоса в атомную материю. Эмпирическая достоверность этого факта и его необъяснимость. Разрешение проблемы атомной материи и энтропии в связи с учением об иерархии инфра- и супра-миров. Метафизическое учение о потенциальной множественности

Первичная природа хаоса вполне аморфна, бесструктурна и некристаллична. Он есть лишь прообраз материи, абсолютно инертная и пассивная среда. Она одна, но не едина, ибо единым может быть названо лишь нечто по существу целостное, а ее природа определяется абсолютным противопоставлением единству и целостности. Взятая в отдельности, она не может быть определена и множественностью, ибо идея множественности не только онтологически проистекает из единства, но и материально. Действительно, множественность есть не только раскрытие некоего высшего единства, но и совокупность единств низшего порядка. Поэтому вне единства множественность дважды невозможна. Если единство без

множественности есть нечто могущее быть определенным лишь апофатически, как $\mu\eta\upsilon\upsilon$, то множественность без единства есть подлинное ничто, $\sigma\upsilon\kappa\omicron\upsilon\upsilon$. Когда члены антиномии «единство — множественность» отражаются друг в друге, то они претворяются в актуальные полюсы космического бытия.

В единстве это претворение по существу ничего не изменяет в его природе, ибо представшая пред ним множественность ничего не привносит в его бытие, а лишь побуждает его осознать свое же собственное содержание. В другом же полюсе антиномии, во множественности, отражение единства производит глубочайший переворот, вкладывая в нее творческий импульс. Результаты этого двойственны. Во-первых, пред хаосом предстает общая идея единства, которую он должен реализовать путем бесконечной эволютивной организации. Во-вторых, единство изменяет в корне его природу, превращая аморфную среду в бесконечное множество первичных кристаллов — прототипов атомов химических элементов.

При современном состоянии науки последнее представляется не только малопонятным, но и, по-видимому, непостижимым. Мы знаем только обратный процесс: дематериализацию материи, утрату атомами своих электронов и неуклонное возрастание энтропии. Все попытки найти в области физической природы такие законы или деятели, которые действовали бы в обратном направлении, т. е. накопили бы интроатомную энергию и повышали бы совокупность разностей потенциалов, остаются неизменно тщетными. Между тем такие деятели безусловно должны существовать, ибо иначе не только нельзя было бы объяснить самый факт бытия мира, но и сохранение его до настоящего времени. Действительно, мы должны были бы признать в этом случае, что, во-первых, мир был создан какими-то иррациональными путями, а во-вторых, должны были бы отказаться от вечности его бытия. Последнее означало бы полное признание несостоятельности не только человеческой души, но и разума

вообще. К счастью, телескоп убеждает нас, что в настоящее время происходят как раз такие процессы, которые должны быть признаны творческими в прямом значении этого слова.

Кроме звездных скоплений, имеется ряд таких туманностей, которые безусловно имеют газообразное строение. Спектральный анализ показывает, что в них абсолютно отсутствуют не только известные нам химические элементы, но и вообще какие бы то ни было элементы в обычном понимании. Природа этого газа находится в переходном состоянии между полной аморфностью и бесструктурностью и первыми проблесками атомной кристаллизации. С известным приближением в них удалось отметить лишь признаки зарождения неизвестных на Земле трех прототипов атомной иерархии, которые и были названы протоводородами, протогелием и архонией.

В дальнейшем космическом процессе неведомым для нас образом из этих прототипов построятся атомы, причем вначале образуются атомы с малым атомным весом, затем с большим и, наконец, наибольшим. Так, спектр наиболее раскаленных звезд, как, например, Арктика, показывает главным образом линии водорода, гелия и др. легчайших (газов) элементов. Даже на нашем Солнце эти элементы с малым атомным весом находятся относительно в неизмеримо большем количестве, чем на нашей планете. На это обстоятельство до сих пор не было обращено должного внимания. Догадки, что громадные массы водорода на Земле, например, унесены в пучины пространства под действием центробежной силы или при близких встречах с кометами, нисколько не затрагивают существа вопроса. Между тем, с точки зрения современного учения о дематериализации материи, только что кратко описанное рождение атомов материи из первичной туманности является не только совершенно непостижимым, но и абсолютно противоречит всем нашим знаниям.

Действительно, материя есть хранилище почти безграничных запасов энергии, и происхождение ее в этом случае ничем не может быть объяснено. Энергии сжатия по новейшим подсчетам не хватает даже на объяснение раскаленности звезд и покрытия колоссальной траты теплоты через лучеиспускание.

В большинстве современных гипотез высокую температуру Солнца и отсутствие ее заметного понижения объясняют как раз за счет дематериализации его материи. Ясно, что всем этим совершенно устраняется всякая возможность объяснить, как могла возникнуть материя Солнца и звезд, т. е. откуда были заимствованы те невероятно громадные запасы энергии, которые вложены в живые силы электронов и атомов этой материи. Подсчитано также, что энергия тела, доведенного до температуры белого света, исчезающе мала в сравнении с запасами его интроатомной энергии. Итак, если допустить даже, что первичные газообразные звезды были раскалены, то и тогда факт их кристаллизации в материю остается совершенно непостижимым. Кроме того, астрономия нас учит как раз обратному. Первичные туманности вначале всегда имеют температуру межзвездного пространства и только в течение многих миллионов лет постепенно доходят до температуры белого света.

Зная все это, мы должны признать, что хотя факт рождения атомной материи несомненен и вечно совершается в различных частях беспредельного океана миров, но всякое физико-механическое объяснение этого факта явно раскрывает свою полную несостоятельность. Ввиду такого состояния современной европейской науки, я считаю себя вправе отказаться от попыток дать физическое объяснение факта рождения атомов, но вместе с тем обращаю внимание читателя на его полную эмпирическую достоверность.

Со своей стороны я полагаю, что недоступность для европейской науки разрешения этих вопросов есть нечто далеко не случайное, а неизбежное. Вопрос об образова-

нии атомов лежит на границе эмпирически изучаемого мира, а потому одних только его средств недостаточно. Из учения о супра-мире и инфра-мире нетрудно сделать вывод, что образование атомов нашего мира есть результат эволюции инфра-мира. Пока в инфра-мире существуют инфра-туманности, хотя бы уже с атомным или даже с молекулярным строением, — в нашем мире мы будем иметь с точки зрения естественных наук абсолютное отсутствие всякой материи, а с точки зрения эзотеризма — хаос до воздействия на него идеального мира, т. е. Хаос с потенциальной множественностью. Только тогда, когда инфра-мир создаст свои инфра-звезды и инфра-планеты, в нашем мире возникнут атомы первобытной материи. Эволюцию бесчисленных инфра-миров мы поэтому всегда будем воспринимать как появление в мировом пространстве новых туманностей, с точки зрения нашего мира, в буквальном смысле из ничего. Иначе говоря, **инфра-мир есть космическая лаборатория, изготавливающая материю нашего мира.**

Среди попыток согласовать вечность существования вселенной со вторым началом термодинамики, что энтропия вселенной стремится к максимуму, давно известна гипотеза о возмещении «умершей» теплоты (Warmeted — по выражению Клеузиуса) за счет дематериализации материи. Так как до сих пор считалось, что количество материи неизменно или уменьшается, то несостоятельность этой гипотезы представлялась очевидной. С точки зрения моей гипотезы должно сказать, что энтропия удерживается на одном уровне дематериализацией материи, количество материи поддерживается на одном уровне эволюцией инфра-мира.

Если бы существовала только дематериализация материи, то мир бы должен был уничтожиться по недостатку материи и по избытку тепла. Если бы существовала только «смерть» теплоты, то мир превратился бы в безжизненную пустыню. Только взаимно уравновешиваясь, деятельность инфра-мира, дематериализация материи и закон энтропии могут поддерживать равновесие на-

шего мира. Если бы цепь вселенных со знаменателем k обрывалась на инфра-мире, то вопрос об образовании его атомов был бы столь же неразрешим, как и при существовании одного только нашего мира. Наш ответ вполне определен: атомы инфра-мира суть результат эволюции инфра-мира второго порядка, и т. д. до бесконечности. Эта иерархия миров отчетливо выявляет в нашем сознании четвертое измерение космоса, которое я буду называть иерархической координатой. Она перпендикулярна всем трем координатам нашего мира, а последний есть трехмерное сечение четырехмерного иерархического пространства.

Жизнь мира есть эволюция хаоса по иерархической координате. Материя вечно двигается по ней, и это движение прерывно для нашего несовершенного восприятия. Всякая солнечная система образовывается из туманности весьма плавно, но она воспринимается сознанием следующего мира и вступает в его область лишь при своей полной дифференциации — в виде нового атома материи. **Цепь последовательных вселенных беспредельно возрастает, ибо каждый мир творит материю следующего супра-мира.**

Движение по иерархической координате есть колоссальное возрастание масштабом и временем в геометрической прогрессии со знаменателем k . Для некоторого n -го мира его масштаб будет в k раз больше, чем в нашем мире. При стремлении n к бесконечности мы будем иметь $k^{n=\infty}=\infty$.

Иначе говоря, в этом мире все время будет сведено в единый миг, а все пространство — в точку. Но так именно религия определяет Сознание Бога. Можно ли считать, что иерархия наших последовательных миров приводит к Богу? Ответ будет безусловно отрицательный. Как раз здесь мы встречаемся с проблемой об актуальной и потенциальной бесконечностях. Она была решена Георгом Кантором, а потому мы ограничиваемся лишь ссылкой на него. С другой стороны, функция k не есть еще высший тип возрастания, ибо вообще по знаменитой теоре-

ме Дюбуа Реймона «если дан какой угодно счетный ряд возрастающих функций, образующих шкалу φ , то можно на самом деле найти возрастающую функцию $\psi(x)$ такую, что $\psi(y) > \varphi(x)$, как бы ни велико было n » [62].

Итак, беспредельная цепь миров есть не только закономерная геометрическая последовательность масштабов, но и нечто органически целостное, ибо для существования каждого последующего необходима вся бесконечная цепь предыдущих, а потому и вся цепь имеет право именоваться иерархией. По своему внутреннему естеству она непрерывна, но по слабости нашего сознания мы воспринимаем ее **прерывной**. Мы рассматривали до сих пор только узкофизический аспект этой иерархии, а потому мы можем вывести лишь следующую частную формулировку закона синархии: **совокупность** мировых атомов построена по закону синархии.

Остановившись на вопросе о рождении в инертной среде — хаосе первичного кристаллического строения, мы по необходимости должны были возможно глубже разработать эту проблему с точки зрения физико-механической науки. Возвращаясь к этой же проблеме, мы постараемся дать этому процессу метафизическое обоснование. Мы уже сказали, что когда потенциальный мир противопоставляет себя хаосу, то он осознает себя единством, а хаос является олицетворением множественности. Эти «единство» и «множественность» имеют совершенно особую природу. По недостатку развитости языка, я затрудняюсь дать закономерные термины, адекватные с истинным содержанием. Постараюсь же объяснить особенности этих обычных слов при употреблении их в данном случае. Я уже показал различие между «единым» и «одним» — единство является таковым по онтологическим своим свойствам, оно едино потому, что есть все, но не есть одно из возможных многих. Иначе говоря, возможна такая формула: единство равно одно умножить на множественность.

Нечто аналогичное можно построить и относительно множественности. Потенциальная множественность

выражает не многочисленность некоторых величин, а только полное отсутствие органической целостности. Иначе говоря, это слово имеет не количественный смысл, а качественный. Не совсем удовлетворительным, но все-таки подходящим примером из реальной жизни будет следующий. Куча песка актуально множественна, вода потенциально множественна. Хаос в несравненно большей степени, чем вода, способен принимать формы, а потому его идея неразрывно сопряжена с множественностью, но в то же время эта множественность, помимо воздействия извне приходящих форм, абсолютно потенциальна [63]. Выясним точный смысл слов «потенциальное единство» и «потенциальная множественность» и мы сумеем перейти к разрешению предстоящей пред нами проблемы.

Когда члены антиномии «единство — множественность» отражаются друг в друге, то они видоизменяют в корне свою природу. Единое становится единым не только потому, что вне его ничего нет, но и потому, что оно объемлет множественность своего содержания в действительно едином синтезе; множественность становится таковой не только потому, что она потенциально способна создать множественность форм, но и потому, что она актуально объемлет собой действительно существующую множественность единичных форм. В этом таинстве взаимного отражения единство как бы пропитывается множественностью и включает ее в свое самоощущение; множественность также впитывает в себя единство и включает его в свое самоощущение.

Иначе говоря, после этого взаимного отражения единство становится центральным синтезом множественности, а множественность — периферическим сознанием единства. С точки зрения реального бытия единство и множественность только с этого момента входят в его область — дотоле же они были лишь отвлеченными абстракциями. В действительности, рождение из Непознаваемого Абсолюта Трансцендентного и Имманентного Ликов, утверждение миров трансцендентного и имма-

нентного, выяснение их содержания как абстрактной идеи единства потенциального идеального мира и абстрактной идеи потенциальной множественности хаоса и отражение этих абстрактных идей друг в друге — целиком протекают до начала создания мира и являются собой лишь связующую дедукцию между Нирваной и Манвантарой, между Не-Бытием и Бытием. Только с завершением этих процессов расковывается возможность реального рождения вселенной.

Из сказанного ясно, что так как процесс мирового творчества вневременен и вечен и внеременно же и вечно взаимное отражение полюсов антиномии «единство — множественность», то множественность хаоса также внеременно и вечно переходит из потенциального состояния в актуальное. Это значит, что всегда и вечно абсолютное единство потенциального идеального мира привносит в себя все новые и новые виды множественности, а абсолютная потенциальная множественность хаоса выбрасывает на арену мира все новые и новые виды актуальных множественностей. Это и есть исконная глубинная основа космического творчества: во вневременном процессе в потенциальном идеальном мире рождаются все новые и новые потенциальные иерархии монад, а в проявленном мире возникают возможности потенциальной иерархии множеств.

Весь дальнейший процесс мировой эволюции состоит в претворении этой двойственной потенциальной иерархии в актуальную. Какое бы сечение четырехмерного иерархического пространства мы ни брали, одинаково мы будем иметь начало космического творчества в образовании атомной структуры материи, в потенциальном дифференцировании потенциального идеального мира. Выяснив онтологическое происхождение этих двух состояний, мы в дальнейшем изложении будем исходить из них как из данностей.

От издательства

Владимир Шмаков — таинственная и величественная фигура мирового философского эзотеризма прошлого века. Мы мало имеем достоверных сведений о его жизни, даже год рождения нам доподлинно не известен.

Конец XIX — начало XX веков — это начало удивительных путешествий человечества в область Духа, попытки найти не просто объяснения феноменам окружающего мира, но и наметить пути развития Человечества как гармонического единства. Промышленная революция, небывалое ранее развитие науки и технологии закономерно ставили вопрос: а где, собственно, место человека в этом усложняющемся мире? Насколько технический прогресс и уже назревающий мировой кризис отвечают призванию *homo sapiens*? И каково оно, это призвание? Не случайно, что именно это время дало нам плеяду людей науки и культуры, открывших новые горизонты уже, казалось бы, известного и обыденного. Достаточно вспомнить имена Бехтерева, Павлова, Гурджиева, Станиславского, Вернадского, поэтов Серебряного века... Список можно продолжать и продолжать.

В. Шмаков в своем учении сделал попытку синтеза философии, религии и научных знаний. В «Законе синархии» он проанализировал построение иерархических структур во Вселенной — от атомов до общественных систем. Очень важно понимать, в какой период истории создавался этот труд — первая мировая война, революция, гражданская война, ломка привычного уклада жизни. В книге выведены законы, стоящие за всеми этими процессами мировой истории, даются предостережения и рекомендации тем, кто хочет понять и управлять общественными движениями. Мы, живущие спустя почти столетие, не можем не согласиться с таким пророческим высказыванием автора: *«Как для правильного функционирования жизненных отправлений необходимо, чтобы все клетки организма подчинялись велениям мозга, так и человеческое общество может сохранить свое органическое равновесие и гармонически развиваться лишь при тождестве центров разума и власти. Путь насильственного подчинения... всегда приводит к печальным результатам; как анатомия и физиология общества, так и соподчинение их частей должно быть всегда органическим».*

Надеемся, что новое переиздание этого поистине фундаментального труда найдет своего благодарного читателя.

Научно-популярное издание

Владимир Шмаков

**ЗАКОН СИНАРХИИ
И УЧЕНИЕ О ДВОЙСТВЕННОЙ
ИЕРАРХИИ МОНАД И МНОЖЕСТВ**

Редактор *И. Старых*

Корректоры: *Е. Яковенко, Т. Селезнева*

Оригинал-макет: *Г. Булавко*

Обложка: *И. Дерий*

ООО Книжное издательство «София»

115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:

Издательство «София»

04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 19.05.2016 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 16,80.

Тираж 3000 экз. Зак.

**Отделы оптовой реализации
издательства «София»**

в Киеве: +38(044) 492-05-10, 492-05-15

в Москве: +7(499) 643-43-03

в Санкт-Петербурге: +7(812) 676-07-68

www.sophia.ru

Мы в соцсетях

facebook.com/SophiaBooks

vk.com/sophia_publishing

instagram: [sophia_publisher](https://instagram.com/sophia_publisher)